

**Коммуникативная характеристика образа рассказчика
(на материале работы Е.П. Леонова в мультипликационном фильме
«Смех и горе у Бела моря»)**

Алферова Ольга Алексеевна

*Студентка Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова,
Москва, Россия*

В данном докладе мы рассмотрим образ рассказчика, созданный Е.П.Леоновым в мультипликационном фильме «Смех и горе у Бела моря» по мотивам сказок Шергина и Писахова. Задачей исследования является анализ созданного актером образа поморского крестьянина, его отношения к зрителям и минисоциуму, представителем, которого он является.

Подобную задачу ставил В.В.Виноградов, анализируя образ рассказчика и особенности сказа в повестях Гоголя. По определению В.В.Виноградова, сказ строится в субъективном расчете на апперцепцию людей известного социального круга, но с объективной целью подвергнуться восприятию постороннего читателя [Виноградов:121]. Исследователь пришел к данному выводу на материале письменных текстов, задачей нашего исследования является анализ текстов звучащих, в которых особое место занимают коммуникативные единицы.

В мультфильме образ рассказчика создается Е.Леоновым, с одной стороны, с опорой на среду, представителем которой он является, а с другой стороны, рассказчик ориентирован на зрителя, который мыслится как «чужой» для этого минисоциума. Однако все особенности жизни поморских крестьян преподносятся ему как якобы существующая, сказочная норма, которую слушающий должен разделить с представителем этой среды, хотя сам зритель, конечно, эту норму воспринимает как себе чуждую.

Остановимся на том, какими же средствами в звучащем тексте решается эта задача.

С одной стороны, для того чтобы маркировать героя как члена минисоциума, актер воспроизводит все диалектные особенности оригинального текста сказок: полное оканье, краткие формы прилагательных вместо полных (Бело море, дохла льдина, стара, иглиста, чуть жива), стяженные формы глаголов (бегам, очищат, проветривам). Однако Е.Леонов идет дальше и по аналогии с оригинальным текстом образует просторечные формы слов, которых в тексте нет (всю сущу правду, поморску сказку, царску дочку). Актер самостоятельно меняет некоторые слова или отдельные звуки в них для создания большего числа отличий от литературной нормы (у каж[н]ого, пи[нд]жак, [йе]попеля, [ине]ргию, [йе]той, [х]ухажёр, [а]мпиратр, тра[н]вай, оке[йа]н [фершал], [гипохрат], растеть, образовалася), ударения также расставляются не по правилам литературного языка (на́ полдень, за реку́, оленя́ми, занавёсы, медведя́, долже́н, людя́м). Все это создает иллюзию архангельского говора, представителем которого и является рассказчик в данной сказке, но эти черты нельзя связать только с этим говором, это просторечные черты, которые нужны для демонстрации того, что говорящий не владеет нормами литературного языка и не является представителем социума, владеющего этими нормами.

С другой стороны, значительно более сложная задача соотношения норм говорящего и слушающего решается как номинативными, так и коммуникативными средствами. Если номинативные средства прописывают сказочные нормы, кстати, отличные от норм как реальной жизни поморских крестьян, так и всего остального социума, то коммуникативные средства, семантика значения которых базируется на позициях говорящего, слушающего и оцениваемой и квалифицируемой ими ситуации [Безяева:8], служат для актуализации очевидности этих норм и втягивания слушателя в

минисоциум рассказчика, который искренне убежден в том, что его сказочная норма поведения является единственно верной и что зритель должен эту норму принять.

Коммуникативные средства, которые вводит сам Е.Леонов, в мультфильме создают комический эффект. Хотя в сказках присутствуют и классические сказовые зачины с ИК-6 (родную мою страну; архангельской город/ всему морю / ворот), в большинстве случаев классическое сказовое ИК-6 заменяется на ИК-3 с ориентацией слушающего на очевидную для говорящего норму, что создает неповторимый комизм (А с осени / к зиме готовимся, / северно сияние сушим, / спервоначалу-то / оно не сколь высоко светит. / Надергаем, / пучками повесим, / и висит, / не сохнет, / не дохнет. / А зимой возьмем северно сияние, / теплой водичкой смочим, / и зажжем, / и светло так горит, / и воздух очищат, / и пахнет хорошо; Белы медведи у нас / молоком торгуют, / приучены. / Белы медвежата / - с мечками / и папиро сами промышляют. / Птички всяки чирикают, / полярны совы, / гуси, / лебеди, / северны орлы, / пингвины. / Пингвины у нас хоть и не водятся, / но приезжают на заработки). ИК-4 в последнем случае упреждает возможные возражения слушающего, оно соотносит представление рассказчика и зрителя о норме.

Коммуникативное ну разворачивается по параметру ожидаемой нормы, говорящий вовлекает слушающего в сказочную норму (ну / по пути в городах конце рты давали / с большим успехом, / ну / вот так / до Парижу и доправились).

Таким образом, рассмотрев работу Е.П.Леонова в данном мультфильме, мы приходим к выводу, что при создании образа крестьянина-рассказчика актер решает две задачи: во-первых, маркирует принадлежность рассказчика к минисоциуму поморских крестьян, во-вторых, приобщает зрителя к сказочным нормам этого якобы существующего минисоциума с помощью и номинативных, и коммуникативных средств. Номинативные средства используются для описания сказочных норм жизни поморских крестьян и для создания комического эффекта, а с помощью коммуникативных средств этот эффект усиливается отсылкой слушающего к очевидности и повсеместности этих норм с точки зрения говорящего.

Литература

- Безяева М.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. М., 2002.
Виноградов В.В. О теории художественной речи. М., 1971.

Способы формирования комического в киноэпизоде (на примере экранизаций оперетты И.Кальмана «Принцесса цирка»)

Баранова Анна Ивановна

*Аспирантка Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия*

Данный доклад посвящен коммуникативной интерпретации звучащего текста и способам формирования комического. Работа выполнена методом семантического анализа коммуникативного уровня русского языка [Безяева 2002]. В основе данного подхода лежит противопоставление номинативного и коммуникативного уровней языка. Номинативный уровень предназначен для передачи информации о действительности, преломленной в языковом сознании говорящего, коммуникативный же отражает соотношение позиции говорящего, слушающего и оцениваемой и квалифицируемой ими ситуации.

В отличие от ряда работ, изучающих комическое на номинативном уровне, объектом нашего исследования является создание комического при помощи средств коммуникативного уровня. В данном докладе мы рассмотрим способы формирования комического на примере двух экранизаций оперетты Имре Кальмана «Принцесса цирка» – музыкального фильма «Мистер Икс» 1958 г. (режиссер Ю.Хмельницкий) и музыкальной комедии «Принцесса цирка» 1982 г. (режиссер С.Дружинина). Нас интересует линия мадам Каролина – Пеликан. В первой экранизации эти роли исполнили Г.Богданова-Чеснокова и Г.Ярон, а во второй – Л.Касаткина и В.Басов.

Отметим, что в процессе коммуникативной интерпретации выделяется базовый параметр сложившихся отношений говорящий – слушающий – ситуация, который может модифицироваться вплоть до антонимии. В рассматриваемых экранизациях базовый параметр в отношениях Каролины и Пеликана можно определить как неоднозначность этих взаимоотношений и контрастность их в настоящем и прошлом. Данный параметр выявляется в соотношении номинативного и коммуникативного уровней.

В качестве иллюстрации мы рассмотрим эпизод, в котором Каролина и Пеликан вспоминают о своей первой встрече.

В «Мистере Икс» эта сцена является одной из ключевых. Приведем самую известную ее часть, которая стала хрестоматийной.

Пеликан: А вы были ребѐ³ночком. <...> И такая ма²ленькая-ма⁵ленькая!

Каролина: Ма²ленькая (дает ему руку).

Пеликан: Такая пу⁵хленькая-пу¹хленькая! (гладит ее по руке)

Каролина: Пу⁶хленькая-пу⁶х...

Пеликан: Такая р⁵розовенькая-р¹озовенькая!

Каролина: Р²озовенькая./ Ой.

Пеликан: Ка⁵к поросеночек.

Каролина: Ка²к поросе¹ночек.

Пеликан: И вот этот поросе⁶ночек/ р⁶ос, р²ос...

Каролина: Р⁶ос, р⁶ос.

Пеликан: И выросла такая больш⁶ая...

Каролина: И выросла такая больш⁶ая.../ ↑ Э!/ ↑ Э!/ Что выросло?

На номинативном уровне диалог развивается позитивно, что поддерживается такими коммуникативными средствами, как расслабленная артикуляция, ИК-6, высокий фонетический регистр. Однако при сохранении позитивных коммуникативных средств в конце Пеликан вводит однозначный номинативный намек, содержащий негативную оценку, хотя и не эксплицированную (И выросла такая больш⁶ая). Каролина же реагирует на коммуникативные средства, не замечая номинативного содержания, поэтому ее ответная реплика, представляющая собой повтор фразы, только что произнесенной Пеликаном, комична. Еще смешнее становится резкое осознание ею скрытого намека, о понимании которого говорят повышение фонетического регистра и коммуникативное э, при помощи которого говорящая призывает своего собеседника

следовать норме: ↑ ²Э! / ↑ ²Э! / Что выросло? Перед нами классический пример приема коммуникативной провокации, который заключается в том, что негативное содержание высказывания не поддерживается коммуникативными средствами и до конца не эксплицируется.

В «Принцессе цирка» базовый параметр реализуется иначе. Источником комического становится шутливая лжессора, разыгрываемая Каролиной и Пеликаном.

Пеликан: А зачем вы мне делали гла з-/ки? ³ ²

Каролина: ↑ Ха – ↑ ха !/ Кто я вам делала глазки? ⁶ ²

Пеликан: Эмг. ⁴

Каролина: Это вы мне делали глазки! ²

Пеликан: Я ? <...> Я вам делал ↑ гла з-/ки ? <...> ^{3/\} ² ^{2³}

Каролина: Правильно я сделала, что запустила в вас тарелкой! ²

Пеликан: Пrrавильно, что я тогда ничего не сказал! ⁵ \

Каролина: Пеликан! (бьет тарелку и падает в обморок)

Пеликан: Боже! / Что с вами? ² ²

Каролина: Ой! / ~~А~~ / Мне ду_~рно./ Мне что-то/ ду_←~рно. ² ² ⁶ ²

Пеликан: Вот./ Награ да! ² ²

Модальная реализация ИК-3 (несоответствие норме), повышение фонетического регистра, разбиение слова на две синтагмы (Я ? Я вам делал ↑ гла з-/ки ?) формируют лжевозмущение. Последняя реплика Каролины номинативно также указывает на негативное состояние героини, но коммуникативные средства говорят об обратном.

Назализация, отодвинутые назад гласные, ИК-6 (Мне ду_~рно./ Мне что-то/ ду_←~рно) намекают на истинное отношение героини к Пеликану, и он понимает этот коммуникативный намек, о чем говорят *вот* и ИК-2, имеющие параметр соответствия реализованного варианта интересам говорящего.

Таким образом, мы видим, что если в «Мистере Икс» в рассматриваемом эпизоде базовый параметр разворачивается от позитива к негативу, то в «Принцессе цирка», наоборот, от негатива к позитиву. При этом средства номинативного и коммуникативного уровней передают противоположные значения. В первом случае на фоне неизменного коммуникативного позитива появляется номинативный негатив, а во втором при номинативном негативе средства коммуникативного уровня намекают на скрытый позитив. Антонимическое разворачивание базового параметра в рамках одного эпизода, передаваемое при помощи контраста средств номинативного и коммуникативного уровней, является источником комического.

Литература

Безьева М.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. М., 2002.

Коммуникативный анализ комментирования спортивных соревнований (художественная гимнастика, фигурное катание)

Газизова Аделя Маратовна

Студентка Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

В данном докладе речь пойдет об анализе коммуникативных средств, используемых в комментировании спортивных соревнований (репортажи по художественной гимнастике и фигурному катанию, а также речь жюри в спортивно-развлекательных программах).

Работа выполнена в рамках школы семантического анализа коммуникативного уровня русского языка [Безяева]

Материалом работы является звучащая диалогическая и монологическая речь комментаторов по художественной гимнастике (соревнования с 1979 до 2010 года), фигурному катанию (Олимпиады 2006 и 2010 года) и в программах «Ледниковый период» и «Лед и пламень».

Речь спортивных комментаторов отличается от речи, используемой в других информационных жанрах большей эмоциональной окрашенностью [Олешко]. Задачей спортивного комментатора является не только передача информации, но и отражения эмоционального состояния говорящего и его воздействие на слушающего. Таким образом, возникает эффект эмоционального сопереживания, семантическое основание которого формируют коммуникативные средства языка.

Как показал анализ, наиболее распространенными являются такие целеустановки, как «восхищение», «похвала», «удовлетворение», «удивление», «разочарование», «сочувствие», «возражение».

Анализ репортажей разных лет позволил выявить следующую динамику. В течение 30 лет менялся язык и стиль комментирования. Итак, сравним, репортаж 1979 года:

На помосте/ абсолютная чемпионка мира/ Ирина Дерюгина./ Только ей присуц
такой темп./ четкость./ мастерство./ Спортсменка словно хочет превзойти себя./
ведь здесь отсутствует/ самая опасная из ее соперниц/ – Галима Шугурова./
Соревнования Чемпионата и Кубка СССР/ по художественной гимнастике/
прошло/ на отлично./

Как мы видим, оценка в этом случае выражена эксплицитными средствами. В первую очередь, поддерживается ИК-2 на фоне четкого синтагматического членения.

Сравним с репортажем 2003 года.

Все./ Ну, я думаю, что.../ Ну, от невнимательности./ Уже вроде выполнила./
расслабилась./ и укатился обруч./
Правильно./ главное – не потерять настрой/ и доделать упражнение до конца./
Да./ не эта потеря/ и было бы все как ни банально/ все хорошо./
Досадная, конечно./ эта потеря./ Недовольная Ирин-Санна Винер./
четвертая.../ Ну ничего./ ну что делать./

В данном отрывке преобладает целеустановка «разочарование». Об этом свидетельствуют инвариантные параметры «ну» - несоответствие ожидаемому, «да» - неадекватность представлений говорящего о представлении ситуации ее развития. С помощью конструкций «ну ничего», «ну что» комментатор успокаивает зрителя

Примерно в середине 90-х годов состоялся переход от монологической речи к диалогической. Причем второй собеседник был непосредственно связан со спортом (тренер, бывший спортсмен, хореограф). Такая же ситуация происходила и с фигурным катанием. Диалоги комментаторов разделялись на два типа: диалог-унисон и диалог-соперничество. Вот пример диалога-унисон, где два комментатора фактически работают как один, что формируется коммуникативными средствами предельного сходства позиции - неоднократным «да» и другими:

- Ну и ²опять же/ в связи с новыми ⁶веяниями в системе ⁶судейства,/ это ⁶качество ⁶становится все более и более ³ценным,/ да?/

- Я бы даже ⁶сказала,/ что оно ²практически ²лидирующее./

- ²Главное ^{2³}теперь,/ да?/

- ²Да /

- ¹Ну,/ я с вами ⁶полностью ⁶согласен Елена.../

Пример диалога-соперничества также будет представлен в докладе.

Что касается телевизионных шоу, то главное отличие от спортивных репортажей – преимущественное использование диалогической речи, здесь нет пристального профессионального взгляда. Все ориентировано на личностное восприятие зрителя, поэтому жюри не стесняется выражать эмоции. Кроме того, преобладают средства, свойственных бытовой сфере общения, впрочем, часто представленных в виде контраста регистров общения. Например:

Марат Башаров: - ¹Татьяна ¹Анатольевна,/ как вам ^{2³}Игорь в роли ²Ангела?/

Татьяна Тарасова: - ⁵Изумельно!! Он ⁵может ²любую роль./ Вообще, конечно,/ ²ты же ²понимаешь/ ⁴хороший актер ⁴может быть в любой ²роли./

Анастасия Заворотнюк: - Ну ²что же,/ ¹дорогой мой ¹комик,/ ¹мальчишка/ и ¹сорванец./ ¹Скажите,/ ^{2³}пожалуйста,/ ^{2³}Игорь,/ ¹вторая ²программа ¹начинается ¹со ²скамейки./ ^{2³}Но ^{2³}женьки ^{2³}не ^{2³}держат ^{2³}уже?/

Восхищение Татьяны Тарасовой передается с помощью ИК-5, а также эксплицитными средствами. Анастасия Заворотнюк использует ИК-1 и ИК-2 для передачи негативной оценки, а также обращается коммуникативным средством «ну что же» и словом «ноженьки», которое выражает неприятие говорящим позиции собеседника или небенефактивное развитие ситуации. Татьяна Тарасова как профессионал склонна к оценке высокого регистра общения. В то время как Анастасия Заворотнюк пользуется коммуникативными средствами бытового регистра для выражения иронического сочувствия

Итак, как показал анализ, в спортивном комментировании все более увеличивается роль диалогической речи. Поэтому выявлена тенденция перехода от моно-комментирования к диалогу с преобладанием средств коммуникативного уровня часто в бытовом регистре общения.

Литература

Безяева М.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. М., 2002.

Олешко В.Ф. Журналистика как творчество. М., 2004.

Зенов Норман Андреевич

Студент Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова,
Москва, Россия

Коммуникативный уровень русского языка является уровнем соотношения говорящего, слушающего и оцениваемой и квалифицируемой ими ситуации [Безяева: 707]. Коммуникативный уровень языка наряду с номинативным уровнем обладает большим потенциалом направленного воздействия на собеседника. Речевое воздействие – норма коммуникации (любая целеустановка отражает тот или иной тип речевого воздействия на собеседника).

Способы речевого воздействия на собеседника можно условно разделить на прямые и опосредованные. *Прямые* методы связаны с прямой каузацией собеседника, что в свою очередь относится к системе волеизъявления, например, целеустановки угрозы и мольбы. *Опосредованные* способы воздействия объединяют средства и целеустановки, имеющие отношение к влиянию на систему ценностей и оценок, т.е. на мнение собеседника.

Эти способы можно так же подвернуть делению и представить их как те, которые связаны с сугубо эмоциональным воздействием, и те, которые оказываются более рационализированными и обращены к мнению собеседника. Зачастую последний тип оказывается способом неявного, скрытого воздействия.

В ряду целеустановок, обслуживающих эмоциональное воздействие на собеседника, в первую очередь следует выделить расхваливание и возмущение. *Расхваливание* заключается в ориентированной на слушающего положительной оценке некоторого варианта с целью заставить слушающего принять этот вариант. В рамках целеустановки можно выделить такие средства, как модальная реализация ИК-2[~] – слушающему предъявляется некоторый вариант, имеющий для него бенефактивные следствия, что слушающий должен учесть (т.е. реализовать необходимое говорящему действие, принять эксплицируемый вариант), ИК-7, говорящая об ориентации говорящего на совпадение его со слушающим позиций, кратное «да» – неадекватность позиции слушающего, не принимающего вариант, вводимый говорящим, «так» – положительное отклонение от нормы с бенефактивными следствиями для слушающего. Иллюстрацией может послужить звучащая речь в сказке «По щучьему велению»:

Первая наперсница. Отве дай, / ^{2³}царе вна, / ²гуся! //

Вторая наперсница. Гусь белокры лый, / ^{2^x}с я блоками, / ^{2^x}с чернсли вом! //

Первая наперсница. Вкуснота!..⁶//

Вторая наперсница. Вкуснота!⁷//

Царевна. Боюсь! / ²Гусь куса ется! / ²Куса ется! //

Первая наперсница. Да он не живой, / ²царе вна! //

Вторая наперсница. Да он жареный!²//

Царевна. Все равно боюсь! / ²Он и жареный / ²куса ется! //

Слуга. Отве дай, царевна - / ³моро женое! / ^{2[~]}Так / ³во рту и та ет! //

Целеустановка *возмущения* маркирует резкое расхождение норм говорящего и слушающего. Однако данная целеустановка обладает низким потенциалом воздействия на собеседника из-за обширного количества «давящих» коммуникативных средств в своем вариативном ряду. Так действует лорд Генри - герой К. Лаврова в экранизации пьесы «Стакан воды»:

Сэр Генри. Я берусь доказать, / что большая часть дополнительных кредитов, /
 которые мы даем военным, / поступает в сундуки герцога Мальборо! / Я понимаю, /
 что у герцога дочь на выданье, / но почему английские солдаты должны своей кровью /
 оплачивать ее приданое? //

Королева Анна. Вы благородный человек, / сэр Генри... / И даже в пылу
 полемики / мы не должны обвинять / доблестного / маршала / в столь низменных
 мотивах. //

Тактика сэра Генри предусматривает давление (активное использование ИК-2, усиление фонетической самостоятельности единиц) на собеседника. Однако это не дает желаемых результатов, сэр Генри терпит неудачу. Это свидетельствует о неверном подходе к уставшему от политики и слабому характером человеку.

К способам рационализированного воздействия следует отнести в первую очередь те, которые основаны на целеустановках презрения и иронии. *Презрение* выступает как самая рационализированная эмоция, реализует значение расхождения системы ценностей и оценок говорящего и слушающего, служит мощным средством оценки позиции собеседника и дистанцирования от нее:

Мальборо. [...] Кто это прелестное дитя? //

Абегайль. Меня зовут / Абегайль. //

Мальборо. А, / продавщица / из ювелирной лавки. / Узнаю. / Королева мне
 говорила о вас. //

«А» говорит о входе в ситуацию, не являющуюся, впрочем, новой для говорящего, так как ИК-6 указывает на знание говорящим положения дел. ИК-3 склонное к ИК-6 опять-таки обозначает ложную ориентированность на позицию собеседника и добавляет оттенок знания, что служит способом завуалированного выражения презрения.

В свою очередь, целеустановка *иронии* служит средством оценки позиции собеседника. Значение целеустановки связано с антонимией эксплицируемого и подразумеваемого (реализуемого) на самом деле вариантов. Характерным средством формирования иронии является ИК-3, говорящая о ложной ориентации на позицию собеседника - 'я, говорящий, сознательно не учитываю твою, слушающий, позицию при том, что внешне полностью ее учитываю'. В ситуации конфликта ирония может выступать средством издевки над взбешенным собеседником:

Генри (герцогине). Как вы прекрасны / в своем гневе! / если бы небу было
 угодно соединить нас / мы управляли бы миром! //

Кроме перечисленных, выполняют функцию активного воздействия и другие целеустановки, среди которых можно выделить целеустановки *упрека*, *интриги*, *намек*.

Исходя из особенностей функционирования средств коммуникативного уровня русского языка в аспекте активного речевого воздействия, можно сформулировать примерное определение речевого манипулирования на уровне коммуникативной системы: это – скрытая каузация изменения позиции собеседника (это и конкретный поступок, и изменение поведения, нормы, оценок, изменения в системе ценностей и

представлений слушающего и т.д.), соответствующего интересам говорящего, выгодного для говорящего. При этом ключевыми моментами становятся *скрытый* характер каузации и *выгода* для говорящего.

Литература

Безяева М. Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. М., 2002.

**Параметры систематизации средств выражения удивления
в современном русском языке**

Михайлова Екатерина Алексеевна

*Аспирантка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия*

В последние годы объектом изучения лингвистов всё чаще становятся эмоции, которые изначально исследовались философами и психологами. Одной из малоизученных эмоций является удивление. Именно поэтому оно интересно как объект исследования. Это чувство знакомо каждому, но его трудно описать [Изард: 190], т.к. оно недолговечно и не имеет однозначной аксиологической оценки. Сейчас эмоции осознаются как тесно связанные с языком: «ключом к изучению человеческих эмоций является сам язык, который номинирует, выражает, описывает их...» [Шаховский: 672]. Соответственно, лингвистами выделяются три способа вербализации эмоций: обозначение (например, *удивиться*), описание (*поднять брови*) и выражение (*Да ладно*). Таким образом, используются абсолютно разные пласты лексики, «участвующие» в том или ином способе обозначения эмоций. Данная работа в большей степени затрагивает вопрос о средствах выражения удивления в современном русском языке.

Прежде чем перечислить экспрессивные средства удивления и привести параметры их систематизации, дадим собственное толкование удивления. Удивление – это эмоциональное состояние, являющееся ответом адресата на определённый стимул, вербальный (высказывания о ситуации) и невербальный (сама жизненная ситуация), не соответствующий его жизненному опыту и представлениям о мире (его наивной картине мира). Удивление указывает на нарушение предполагаемого развития событий и служит стимулом к устранению противоречий между полученной информацией, которая привлекла внимание адмирата и «вторглась» в чётко выстроенную систему говорящего, и привычными представлениями адмирата.

Что касается средств выражения удивления, то, на наш взгляд, их можно разделить на 6 групп: 1) междометия (*А, О, Ого* и др.); 2) частицы (*Да, Неужели, Разве* и др.); 3) местоименные наречия (*Как, Что*); 4) фразеологизмы (*Вот так клюква, Вот тебе и раз*); 5) цитатные вопросы (*- Она использовала веник, но не берёзовый, а из сельдерея. - Из сельдерея?*); 6) высказывания с определённым лексическим наполнением (*Как такое возможно, Просто невероятно*).

С учётом вышеизложенного предлагаем параметры возможной систематизации, по которым в дальнейшем могут быть распределены экспрессивные средства удивления. Во-первых, это предмет интереса (каузатор удивления) – вербальная или невербальная ситуация. Во-вторых, связь предмета интереса с личной сферой говорящего: степень удивления зависит от того, насколько объект удивления затрагивает личную сферу говорящего. В соответствии с этим следует различать недоумение, собственно удивление и изумление. В-третьих, связь реплики говорящего с содержанием высказывания-стимула (удивление может быть вызвано ассерцией или презумпцией высказывания, темой или ремой, данным или новым). В-четвёртых, связь реплики-реакции адмирата с условиями успешности речевого акта. Таким образом, удивляющийся в праве сомневаться не в искренности говорящего, а в истинности самой реплики.

Литература

Изард К.Э. Психология эмоций. СПб., 2007.

Шаховский В.И. Эмоции в коммуникативной лингвистике // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: Сборник в честь Е.С. Кубряковой. М., 2009. С. 671–683.

Чешский фонетический юмор в русскоязычном сознании

Роговнева Юлия Васильевна

Студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Основой создания комического эффекта в славянских языках выступает омофония. В чешском и русском языках много однокоренных слов, при этом часто их значения различаются. Говорить о шутке можно лишь в том случае, если нейтральное по значению слово одного языка получает в другом языке совершенно другое значение. Это явление можно охарактеризовать как совпадение в звучании слов разных языков, при котором одно из них выбивается из общего, понятного всем контекста и становится, таким образом, средством создания комического эффекта. Наибольшей популярностью пользуются омофоны, один из которых относится к литературному языку, а другой – к сниженной или деструктивной лексике.

Например, чешские слова *misto* (*место*) и *město* (*город*) не могут послужить основой для создания комического эффекта, поскольку их значения в одном случае не различаются (*misto* - место), а в другом они относятся к литературному языку. Контекст остается серьезным.

Другой пример: в чешском языке есть слово *voňavka*, что в переводе на русский язык означает *духи*.

В праславянском языке было слово *vonять*, оно имело современное лексическое значение *пахнуть*. В результате развития языка русский язык утратил этот корень (кроме слова *благовоние*), а в чешском языке он удержался. Очевидна межъязыковая омофония, которая является средством создания комического эффекта.

Часто поводом для шутки является побуквенное прочтение рекламных слоганов и плакатов. Как правило, в этом случае игнорируется правильное произношение и значение и подбираются русские соответствия.

Вывеска *potraviny* обозначает все лишь *продукты*, а *čerstvý chleb* – это *свежий хлеб*, а не *черствый*.

Другие примеры:

Несколько лет назад русские туристы хохотали до икоты, глядя на рекламные щиты «Кока-колы». Там красовалась традиционная замерзшая бутылочка, а надпись на щите гласила: «Доконали тварь!» Икающие от смеха русские не сразу и соображали, что в переводе с чешского сия надпись это всего лишь мощный рекламный слоган – «Совершенное творение!».

Pozor!!! Policie varuje, что в переводе на русский означает *Внимание, полиция предупреждает!*

Но русское население Чехии эту надпись понимает буквально. Следует отметить, что высказывания со словом *pozor* пользуются большой популярностью среди всех чешских слов, которые служат средством создания комического эффекта.

Pozor! Sleva

Обозначает не направление, а всего лишь просит обратить внимание на скидки. Русскоговорящий догадывается об этом, когда, посмотрев налево и направо не обнаруживает там никакого позора.

Заслуживают внимания и некоторые чешские фонетически значимые географические названия.

Надпись на грузовике «Masokombinat Pisek» говорит не о материале, с которым этот мясокомбинат работает, а всего лишь о местоположении предприятия – город Писек (И. п., м.р., ед.ч.) на юге Чехии.

Явление уподобления и приспособления чешских слов под русское звучание встречается довольно часто. При этом фонетический облик чешского слова может настолько искажаться, что само слово перестает быть реально существующим в языке.

Типичный пример, который можно встретить на любом форуме об отдыхе в Чехии:

Ahoj, perdelka!

Якобы так будет выглядеть приветствие – обращение к знакомой девушке. На самом деле, подобного слова, вызывающего вполне объяснимую реакцию у русскоговорящих, нет в чешском языке. Есть фразеологизм *jdi do prdele* (нач. форма – *prdel*, означает примерно ту же часть тела человека, что и похожее слово в русском языке), но и в чешском языке это слово не является литературным. Похожего слова со значением *подружка* в чешском языке нет. Очевидно, что форма *perdelka* является искаженной формой слова *přítelkyně*, что в переводе и означает *подружка*. Так, с легкой руки невнимательного туриста эта шутка завоевала просторы Интернета, и человек, не знающий языка, верит ей на слово, поскольку в чешском языке очень много подобных явлений, которые вызывают улыбку у русскоговорящих.

Речь очевидцев событий с точки зрения коммуникативного уровня языка (на материале репортажей телевизионных каналов)

Селюкова Татьяна Андреевна

*Студентка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия*

Любое событие общественной значимости предполагает наличие участников данного события, сторонних наблюдателей и корреспондентов, освещающих его для всей страны. Каждый из них в той или иной степени является «очевидцем». Участник события и сторонний наблюдатель – это очевидцы первого порядка (они были там и видели всё своими глазами). Корреспондент – это, как правило, очевидец второго порядка (он прибывает на место события уже после того, как что-то произошло), и в меньшей степени корреспондент – очевидец первого порядка, когда он ведет репортаж с места событий.

Данная классификация была выявлена на основе анализа речи очевидцев, взятой из репортажей федерального канала ОРТ (Первый канал) и федерального канала НТВ, относящихся к тематическим группам «Катастрофы» и «Общество». Временные рамки строго не определены: используются новости как «сегодняшнего дня», так и данные архивов, предоставленные сайтами телевизионных каналов.

Исследования речи очевидцев показали существенные отличия от речи людей, относящейся к повседневному дискурсу. В речи очевидцев первого порядка из-за ее неподготовленности и эмоциональной напряженности мы наблюдаем наивысшую экспрессивность, оценочность, сбивчивость, короткие синтагмы, лексические повторы, большое число функционально-коммуникативных единиц, экстралингвистических средств (жестов, мимики), отсутствие смысла на номинативном уровне языка и выражение его на коммуникативном, использование интонационных конструкций с их модальными реализациями, доминантами среди которых являются ИК-2, ИК-3, ИК-6.

Приведем два типичных примера из многочисленного ряда высказываний очевидцев.

Светлана Блинова, очевидец: «Объявили станцию „Лубянка“, / и тут же
раздался хлопок, / взрыв./ Пошла вот эта серая темная пелена, / начались крики, /

полетели ² стекла, / какие-то ² куски, / вот. // (НТВ, 29.03.2010, <http://www.ntv.ru/novosti/189210/>)

Очевидец (пожилая женщина): «²Пыльное ²облако какое-то ²висит. ⁶Опять не ⁶придала ⁶значения, ⁶еще два шага ⁶прошла, / и вы ³знаете, ³толпа ³вот ³с ³эскалатора / она ²бежит на меня. / Ну ²я ³развернулась и ²бегом ²тоже от этой ²толпы, / ⁶потому что ²думала, что ²меня ²затопчут». (НТВ, 29.03.2010, <http://www.ntv.ru/novosti/189210/>)

В данных примерах, как и практически во всех других, прослеживается поразительное единообразие использования средств коммуникативного уровня в речи очевидцев. Это легко объясняется, если мы учтем их семантический потенциал:

Вот – реализованность/нереализованность одного варианта, соответствующего/несоответствующего целям говорящего, слушающего или других лиц [Безяева: 723].

Какие-то – отсутствие представления качественной характеристики ситуации.

То – контраст представления о норме реализуемого варианта.

Тут маркирует неконтролируемость обстоятельств, связанных с личной сферой говорящего.

Вообще – указание на слом нормы, следствием чего является максимально отрицательная оценка происшедшего говорящим.

Это – непонимание сущностной качественной характеристики ситуации и отклонение ее от нормы [Безяева: 176].

Ну – несоответствие ожидаемому [Безяева: 145].

Таким образом, данные средства являются не просто типичными, а обязательными: их семантические параметры предопределяют их появление в определенной ситуации.

В речи же корреспондента (очевидца второго порядка) не наблюдается употребление определенного набора функционально-коммуникативных единиц и наличие лексического повтора: его речь кратка, лаконична и, по большей части, подготовлена (она опирается на подготовленный текст).

Корреспондент: «⁶Это произошло в час ⁶пик. / ⁶Состав «Красная стрела», / ²названный так в ⁶честь поезда Москва — ⁶Петербург, к ³станции «Лубянка» подошел ²без пяти ²восемь. / ³Взрывное устройство ¹сработало через ²несколько секунд, когда ³двери ¹были уже открыты и ¹шла посадка». // (Владимир Кобяков, НТВ, 30.03.2010 г., <http://www.ntv.ru/novosti/189262/>). **ИК-6** используется для привлечения внимания к названной информации, которая неизвестна слушающему, но известна говорящему; **ИК-3** – для ориентации слушающего говорящим на введение дальнейшей информации о ситуации.

Но стоит заметить, что если корреспондент ведет репортаж с места события, то его речь приближается к речи очевидцев и в ней появляются элементы оценочности, что противоречит установке телевизионных новостных программ, где «царит его величество факт» [Цвик: 199].

Корреспондент: «³Обстановка ³здесь, ³конечно, / ²ээ ²не ²не спокойная, ²чувствуется, ²что / ²ээ ⁶здесь произошло что-то ²се ⁶серьезное, / но, тем не менее, ⁶вижу, что / ⁶ээ ⁶люди

³ ² ³ ⁶ ¹ ³
 продолжают как бы покидать Домодедово / с с багажом и так далее и так далее».(
 Егор Колыванов, НТВ, 24.01.2011, <http://www.ntv.ru/novosti/218179/>).

Таким образом, при анализе речи очевидцев происходит выявление матрицы – определенной модели речевого поведения в соответствии с состоянием говорящего. Человек на подсознательном уровне производит отбор определенных коммуникативных единиц для выражения конкретных эмоций. Это не связано исключительно с неподготовленностью речи очевидцев, это особый способ передачи информации русскоговорящими на фоне максимальной эмоциональной напряженности.

Литература

Безяева М.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка: Волеизъявление и выражение желания говорящего в русском диалоге. М., 2002.

Цвик В.Л. Телевизионная журналистика: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Журналистика». М., 2009.

Функциональные возможности средств коммуникативного уровня языка в речи дикторов

Трахимович Вера Александровна

Студентка Московского государственного университета им.М.В. Ломоносова,
 Москва, Россия

В данном докладе мы проанализируем функциональные возможности средств коммуникативного уровня языка в речи дикторов Первого канала и НТВ.

Канадский профессор Маршалл Маклюэн относит телевидение к холодным СМИ [McLuhan: 30], которые, тем не менее, наряду с информационной функцией выполняют и функцию убеждения и оценки. Публицист прямо и открыто агитирует, убеждает, пропагандирует [Солганик: 203], воздействуя на убеждения или поведение читателя, на его оценку тех или иных факторов [Шмелев: 64] через эмоциональное воздействие на читателя, в явной форме выражая свое отношение к сообщаемому [Кожин: 110].

Новостная информация, передаваемая в эфире, в своей основе имеет письменный текст. Таким образом, образуется трихотомия «адресант-текст-адресат». При этом адресант речи вкладывает в сообщение оценочную информацию, которая передается не столько номинативными единицами, сколько коммуникативными. Выражение оценки тесно связано с понятием целеустановки [Безяева: 106].

Анализ материала показал, что в конце XX века оценка в речи дикторов проявлялась только на звучащем уровне, а именно при помощи интонации, удлинения ударного гласного, убыстрения, замедления речи, игры регистрами речи, назализации и удлинения смычки согласного. Например, выражение упрека при помощи ИК-4. Рассмотрим часть информационной заметки Первого канала.

¹
 «...Испания не давала самолету Красноярских авиалиний разрешения на
 посадку//. Все это время/ люди сидели на чемода нах//. Поначалу авиакомпания даже не
⁶ ²
 сообщила им причину/, по которой рейс задержался».
⁴ ¹

В данном примере ИК-4 соотносит реализованный вариант и норму, которая должна была реализоваться (говорящий упрекает авиакомпанию в том, что пассажирам не сообщили вовремя причину задержки рейса, хотя должны были сделать это).

Постепенно в речь дикторов проникают и лексические единицы, маркирующие соотношение позиций говорящий – слушающий, говорящий – ситуация, а также реализованность того или иного варианта развития событий. Сочетания данных интонационного ряда и сегментных единиц с лексическими образуют следующие

целустановки: удивление, презрение, упрек, оправдание. При этом заметим, что появляются коммуникативные единицы, связанные с инвариантным параметром затронутости личной сферы третьего лица и говорящего. Рассмотрим отрывок новостной заметки Первого канала.

«Там³/, где раньше жила большая семья² Златиных²/, теперь пустое место. Дом сгорел еще в конце зимы¹/, но руины только неда¹вно убрали с участка//. Какое-то время погорельцы жили у сосе²дей²/, но сейчас семья ютится в кр[²о]шечном сарае²/, который Вера Григорьевна и дети³/ на скорую руку отремонтировали еще зимой²//. Здесь нет ни окон⁶/, ни отопления⁶/, спасает только старая коптящая буржуйка²//. На Кубань уже пришла весна²/, но по **ночам-то** в комнатке еще **хо^{2/\}лодно**//.

В данном примере несколько средств, сгруппированных в один ряд, обладают параметром затронутости личной сферы третьего лица и говорящего, а также вносят следующие коммуникативные смыслы. Во-первых, удлинение смычки согласного, взаимодействуя с удлинением ударного гласного с центром ИК-2, выражает нереализованность предполагаемого варианта развития ситуации и расхождение реализованной ситуации с нормой, вследствие чего была задета личная сфера третьего лица. Во-вторых, коммуникативное *то* сообщает об отсутствии представлений и знаний слушающего об уже реализованной ситуации и соотносит представление говорящего о ситуации с нормой. Кроме того, модальная реализация ИК-2 образует значение «учти следствие из вводимой информации».

Заметим, что подобные коммуникативные единицы появляются в речи дикторов редко, они не «запланированы». Но в то же время наблюдается обратная тенденция, и бытовая оценка вводится в сообщение сознательно. Например, дикторы канала НТВ выражают свое отношение к событию в разыгрываемом ими диалоге, который идет после сообщаемой сводки новостей. Проанализируем пример.

После новостей про Украину, сообщающих о борьбе за власть между Тимошенко и Януковичем, следует диалог: «Вот что ж ей (Тимошенко) все с мужчинами не везет-то так⁶ /, а?³ – Ну не на⁷ше это дело...»

В данном случае коммуникативное *вот* подчеркивает осознание реализованности ситуации, несоответствующей интересам третьего лица. Постфикс *то* маркирует несоответствие представлений о норме развития событий, об этом же говорит и коммуникативное *а*, маркирующее вход в новую ситуацию по сравнению с нормой. Значение отклонения от нормы дублируется при помощи коммуникативного *что*, а *же* подчеркивает, что должное не имеет места. В ответной реплике коммуникативное *ну* в сочетании с ИК-7 маркирует расхождение позиций говорящего и слушающего и образует значение безразличия.

Таким образом, в речи дикторов наблюдается изменения в использовании средств коммуникативного уровня языка в связи с резким расширением их сферы, что связано с актуализацией личной позиции диктора.

Литература

Безяева М.Г. Семантическое устройство коммуникативного уровня языка (теоретические основы и методические следствия) // Слово. Грамматика. Речь. Сборник научно-методических статей по вопросам преподавания русского языка как иностранного. М. 2005. Выпуск VII. С. 105-129.

Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В. Функциональные типы русской речи. М., 1982.

Солганик Г.Я. Стилистика текста. М., 1997.

Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях (к постановке проблемы). М., 1977.

McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man. USA, 2003.

Способы разоблачения «коммуникативной маски» в творчестве А.И.Райкина

Хуринова Вера Юрьевна

*Аспирантка Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова,
Москва, Россия*

Цель доклада – наглядно показать, как А. И. Райкину, блистательно работавшему в жанре эстрадной трансформации, удавалось не только создавать, но и разоблачать свои маски.

В исследовании используется метод семантического анализа коммуникативного уровня языка [Безяева]. Ключевым для этого подхода является противопоставление в рамках системы языка номинативного и коммуникативного уровней.

В отличие от номинативного уровня языка, который передает информацию о действительности, преломленную в языковом сознании говорящего, коммуникативный передает информацию о соотношении позиций говорящего, слушающего и их квалификацию ситуации.

Организуемыми понятиями являются целеустановка, вариативный ряд структур, которыми она выражена, и инвариантные параметры средств, формирующие эти структуры.

В качестве материала выбран эстрадный номер “Родительское собрание”. В нем на протяжении нескольких минут Райкин успевает сменить шесть масок, чтобы показать разные точки зрения на вопрос воспитания подрастающего поколения.

Для создания комического образа артист не просто привносит гиперболические детали во внешность своих персонажей, но работает и с речевыми характеристиками: дефекты дикции, диалектизмы, яркие тембральные характеристики и ряд опознавательных коммуникативных средств, многократно употребляемых в речи.

Таким образом, Райкин легко создает индивидуальные “коммуникативные маски” - совокупность средств коммуникативного уровня языка, направленных на создание упрощенного, схематичного, но легкоузнаваемого образа. Важно отметить, что характерной особенностью его выступлений является разоблачение маски для непосредственного общения со зрителем в роли исполнителя, а не персонажа.

В этой связи можно говорить о существовании сигнала для зрителей, который позволяет не пропустить момент разоблачения маски. В основном это интонация (ИК-3, ИК-2 (3)), а также работа с темпом, громкостью и фонетическим регистром. Большую роль играет и мимика.

В ходе исследования было выявлено несколько способов разоблачения маски.

Самым очевидным является снятие маски. Для этого актеру достаточно просто вернуться к нейтральной просодике. Так, например, характерной особенностью речи одного персонажа является назализация, которая в реплике от лица самого исполнителя исчезает. Кроме того, большую роль играет и ИК – 2(3) – ориентация на слушателя с большей настойчивостью:

~Лично мне вот так... [к²ātца].// Правда ли^{2³} чно у меня/ детей не^{2³} т,// ~мне [ка²тца].

Отметим, что контраст на уровне произношения обостряется использованием типичного для этого персонажа, многократно повторяющегося выражения “мне кажется”, которое в данном случае впервые реализует комический потенциал.

Другим способом является саморазоблачение персонажа. В данном случае можно выделить ряд приемов, в которых активно участвуют единицы коммуникативного уровня: а) оговорка, поддерживаемая коммуникативными средствами, б) коммуникативный контраст речевого поведения, в) совмещение коммуникативных целеустановок и так далее. Приведем примеры.

Так, один из родителей, проповедующий гуманное отношение к детям, делает оговорку, потому что на деле хочет принудить детей к исправительным работам:

И все это соорудить силами самих подонко, [смех]/↓ой..прости..те./ ребяташек.

На коммуникативном уровне оговорку обостряет междометие “ой”, которое говорит о том, что персонаж осознал свое разоблачение и что он был не готов это сделать.

В речевом поведении другого персонажа наблюдается явный коммуникативный контраст. В его выступлении можно выделить две части. Первая, в которой герой позиционирует себя как интеллигент, изобилует дефектами дикции (Мы когда²³ -то/ с Родителями/ жили на К^{h2} аме./А она у нас шиРо³кая, /шиРо^{2<}кая). Во второй части все эти дефекты внезапно исчезают, а под маской оказывается сторонник допотопных методов воспитания (Слушайте,² а может их др³ать?).

С помощью совмещения целеустановок удается показать не только явные намерения героя, но и скрытые, истинные. Так, предлагая свою помощь (целеустановка предложения), персонаж говорит со сжатием глотки, что характерно для целеустановки угрозы:

Я подошел,¹ /говорю: “Мамаша,² /-говорю,/- ма ма ша,^{< 2<} ты что надрываешься,^{< < < < 3} -го во рю,-/ ма ма ня.^{< 3<} Да ва й,^{< 3<} чемо да н до несу”./ И поне с./ И по не с./ Ку да во т...ста ру ха по де ва ла сь,^{< 2 < < < <} до сих пор поня ть не могу.²

В то же время есть случаи, когда точка зрения актера, как выразителя мнения социума, и персонажа максимально близки. В этом случае герой начинает использовать близкие исполнителю коммуникативные средства. Так, рефреном единственной женской маски становится ИК-3 с разворотом по позиции слушателя, что, как упоминалось выше, характерно и для общения актера со зрителем:

Удивля юсь я на вас на мужчин./ Это какие вопросы-то ставите: / как быть,³ /кем быть,³ /бить или не бить.³

Таким образом, масочность в творчестве Райкина проявляется не только во внешнем, визуальном плане, но и в речевом (дефекты дикции, диалектизмы, яркие тембральные характеристики, ряд опознавательных коммуникативных средств). Все это позволяет актеру создать индивидуальные “коммуникативные маски”, разоблачение которых происходит как в результате их снятия, так и в процессе саморазоблачения персонажей. Также возможно сближение позиций исполнителя и персонажа, что на коммуникативном уровне проявляется в использовании идентичных средств. Кроме того, Райкин акцентирует внимание зрителя на моменте разоблачения маски (интонация, темп, тембр, регистр, мимика).

Литература

Безяева М.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. М., 2002.